

ЮРИСТЫ ОБЩЕГО ПРАВА В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ И РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ: СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ

Рассматривается стереотипное восприятие юриста, представленное в английских литературных и юридических произведениях конца XVI – первой половины XVII в. Показано, что современники не видели объективных причин роста судебных разбирательств и склонны были винить самих юристов в их увеличении, в порождении раздора и общественных разногласий. Юрист зачастую предстает как жадный, беспринципный крючкотвор, разоряющий клиентов и стремящийся к наживе.

Ключевые слова: юристы; общее право; судьи; адвокаты; клерки; восприятие.

Юристы общего права позднетюдоровской и раннестюартовской Англии были одной из самых влиятельных социопрофессиональных групп. Известно, что с началом Реформации духовенство утратило прежние позиции в аппарате королевского управления, которые заполнили представители правовой профессии [1. Р. 130–131]. Быстрый экономический рост и перераспределение земель сопровождалось невиданным ранее увеличением числа имущественных тяжб, метафорично названным Кристофером Бруксом «наводнением» [2. Р. 9], и стремительным ростом численности юридических подворий.

Кристофер Брукс, проведя тщательные подсчеты по центральному и самым популярным судам – Суду Королевской скамьи (Court of King bench) и Суду Общих тяжб (Court of Common Pleas), – приводит следующие данные. В Суде Королевской скамьи в 1490 г. разбирались 500 тяжб, в 1560 г. – 914, в 1580 г. – 4 тыс., в 1606 г. – 6 945, в 1640 г. – 8 537 тяжб. В Суде Общих тяжб за это же время слушалось: в 1490 г. – 1 600 тяжб, в 1560 г. – 20 625 тяжб, в 1580 г. – 9 300, в 1606 г. – 15 508, в 1640 г. – 29 162 дела. Всего за это время в двух судах было рассмотрено в 1490 г. – 2 100 дел, в 1580 г. – 13 300, в 1606 г. – 23 453, 1640 г. – 29 162 дела. Нетрудно заметить, что за 150 лет в Королевской скамье число разбираемых тяжб увеличилось в 17 раз, в Суде Общих тяжб – в 12 раз, а всего в обоих судах число тяжб выросло почти в 14 раз. Сопоставив эти данные с последующей динамикой, К. Брукс пришел к выводу, что конец XVI – начало XVII в. был самым сутяжным периодом всей английской истории [3. Р. 11–12]. При Якове I, как видно из его подсчетов только по 8 судам, ежегодно рассматривалось не менее 30 тыс. дел. Учитывая то, что данные по многим судам отсутствуют, общее количество разбираемых дел было, конечно же, намного большим.

По оценке Томаса Уильсона, автора трактата «Англия в 1600 г.», на «острове Англия, который мог когда-то похвастаться, что не имеет ни юристов, ни лис», теперь нет «ни одного провинциального городка, ни деревушки, свободных от них», а «сословие» юристов общего права за последние «40–50 лет <...> так разрослось, так разбогатело, так вознеслось, что никакое другое сословие не решается сталкиваться с ним. Их число сейчас столь велико, что, по правде сказать, они едва ли выживут, если не будут жить за счет других». По степени значимости современник выделяет 12 судей общего права, около 30 сержантов (sergents), около 2 тыс. адвокатов (counsellors) и «мно-

го атторнеев» (many attorneys) и «неопределенное число» солиситоров и мелких крючкотворов (solicitors and pettyfoggers) [4. Р. 24–25].

Данные рубежа XVI–XVII вв. удивительным образом подтверждаются современными подсчетами. В. Прест, изучив деятельность четырех судебных подворий (Линкольн-инн, Миддл-темпл, Иннтер-темпл и Грейз-инн), пришел к выводу, что между 1510 и 1640 гг. к стойке (bar) было допущено (т.е. получило право заниматься адвокатской деятельностью) 2 767 чел., но абсолютное большинство – 2 293 чел. – приходится на 1590–1640 гг. [5. Р. 52; 6. Р. 84]. К барристерам (адвокатам) следует добавить еще несколько тысяч клерков и стряпчих. Сопоставив темпы роста населения с темпами роста числа клерков, К. Брукс приходит к заключению, что клерки увеличивались численно быстрее: в 1560 г. один атторней приходился на 20 тыс. человек, в 1606 г. – на 4 тыс., а в 1640 г. – на 2 500 чел. [7. Р. 24, 29, 113].

Современники зачастую не видели объективных причин роста судебных разбирательств и склонны были винить самих юристов в этом.

Юрист – частый персонаж драматических и поэтических произведений конца XVI – начала XVII в., которые я склонен рассматривать как своеобразную, субъективную, порой остроумную, иногда причудливую, но все же фиксацию жизненных реалий тюдоровской и раннестюартовской эпохи. Как правило, юрист – алчный и тщеславный пройдоха, невежественный и завистливый крючкотвор, душе и сердцу которого доступна лишь одна страсть – нажива. Ради нее он разоряет своих клиентов и прибирает к рукам их владения [8. Р. 18–31]. Именно таким предстает перед нами сержант (сержанты – это адвокатская элита в Англии Средних веков и раннего Нового времени) в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера:

Был с ними важный, чопорный Юрист.
Он, как искусный, тонкий казуист,
На паперти был очень уважаем
И часто на объезды назначаем.
Имел патент он на свои права.
И ширилась о нем в судах молва.
Наследство от казны он ограждал,
В руках семьи именье сохранял.
Клиенты с «мантией» ко нему стекались;
Его богатства быстро умножались.
Не видел свет стяжателя такого,
И все ж о нем не слышали дурного.
Ведь сколько б взяток ни дал виноватый –

Он оправдать умел любую плату.
 Работник ревностный, пред светом целым,
 Не столько был им, сколько слыть умел им.
 Он знал законы со времен Вильяма
 И обходил – уловкой или прямо –
 Любой из них, но были неоспорны
 Его решения. Он носил узорный
 Камзол домашний с шитым пояском.
 Пожалуй, хватит говорить о нем
 (перевод И. Кашкина) [9. С. 15]¹.

«Так ведется в мире, – говорит один из героев Бена Джонсона, – владения клиентов переходят к их адвокатам, земли вертопрахов – к портным и ювелирам» [10. С. 428].

В хрониках и трактатах о юристах пишут ничуть не лучше, чем в драматических произведениях. В конце 1570-х гг. Уильям Гаррисон в «Описании Англии» констатировал, что юристы общего права заняли то место, которое раньше принадлежало знати и клирикам, ибо теперь все богатства земли стекаются к ним. После 13–14-летней юридической практики «некий юрист» может делать покупки стоимостью в 1 тыс. фунтов. Юристы богаты, пишет он, и «будут еще богаче, если клиенты не станут более мудрыми и осмотрительными». Хронист сообщает об аресте некоего сержанта, который получил то ли 300, то ли 400 фунтов. Обилие тяжб настолько развратило юристов, что они перестали заботиться о клиентах. Ради полученных десяти фунтов они не собираются покидать своих покой и отправлять даже в суды Гилдхолла². У. Гаррисон рассказывает печальную историю своего друга, который трижды платил двум адвокатам. И они дважды обманывали его и не являлись вовсе на суд. А в третий раз пришел лишь один, но «помахав свитком <...> не сказав и трех-четырёх слов <...> удалился от стойки». Еще «меньше права», по его словам, могут обрести бедняки, способные потратить на юристов только ничтожные суммы. Он пишет о страданиях жителей Уэльса, Йорка или Ладлоу, которые отказываются обращаться в свои суды и отправляются искать правду в Лондон, где их ждут увертки и ухищрения. У. Гаррисон также сетует на «плутов» (varlets), которые «приезжают в графство, как посредники между крючкотворами права (pettyfoggers of the law) и простым народом, только чтобы воспламенить и раздуть искры ссоры, из-за чего одна сторона может обрести прибыль, а вторая – разорение и длинную дорогу» [11. Р. 304–305].

Томас Уильсон пишет, что юристы, вносят «раздор» между соседями и живут за счет других: самые прославленные прибрали к своим рукам почти всю практику, остальные «живут крючкотворством, изобретая способы сравить соседей, дабы получать с обеих сторон <...> Они губят провинциалов (country people) и скупают все земли, которые продаются. Видя юных джентльменов или недавно вступивших в наследство, они находят такого, которого изводят “доказательствами” и стравливают с другим, или своими словами и софизмами некоего другого стравливают с ним. Жертвы юристов тратят затем половину состояний в ходе тяжбы и продают свою землю, что-

бы продолжать процесс и оплачивать долги» [4. Р. 25]. Облачившись в мантию судьи, юрист водит знакомство с мошенниками и принимает мзду. Ариосто (персонаж трагикомедии Джона Уэбстера), адвокат, ставший судьей, говорит об этом так: «В нашем городе хватает прощелыг. У кого своей земли нет – те какого-нибудь ротозея обработают, глядишь, у них уже чуть не райские кущи взошли: забором огородились, а внутри вишни поспевают, а там, смотришь, абрикосы понесли своим дружкам из судейских» [12. С. 279]. Бен Джонсон утверждает: «Примеры бывали, воров накрывали к компании стряпчих, в судейском зале! Но если уж судьи на золото падки, то с бедных карманников взятки гладки» [13. С. 656]. Суды напоминают поэту места боев:

Суды похожи на поля войны,
 Куда стекаются юристы-крикуны,
 Раздора сеятели, жадные наймиты,
 Стервятников гуляют в холе свиты,
 Как гарпии, вцепились в бедолаг –
 Клиентов, алчные до денег их и благ
 (перевод мой. – С.К.) [14. Р. 313].

Адвокаты, как некий Чеверил (Cheveril), не стесняются брать деньги с обеих тяжущихся сторон:

Клиентов нет, и Чеверил в печали,
 Но только они в двери постучали,
 Он привечает обе стороны –
 Юристы топить сало с нас даны
 (перевод мой. – С.К.) [Ibid. Р. 231].

Юристы отличаются двуличьем и продажностью. Они «высказывают в одно и то же время об одном деле два различных мнения, отстаивая их до хрипоты; они легко, что хочешь, повернут, перевернут и спутают, и распутают, подадут двусмысленный совет, а плату и с правых и с виноватых возьмут» [13. С. 42]. Уильям Уэнтворт в наставлении советовал своему сыну Томасу, будущему графу Страффорду, казненному в начале революции, всячески ублажать судей, приглашать их в дом, посылать им вино и сахар [15. Р. 11].

Джон Донн нелицеприятно говорит об адвокатах (Сатира 2) и судьях (Сатира 5). Адвокат – это невежественный, чванливый «глупец», «пустозвон», «крючкотвор» и «мошенник», говорящей на непонятной обычным людям «тарабарской дичи». Адвокат храм Фемиды превратил в бордель.

Шурша бумагами, как юбкой шлюха,
 Он зубы заговаривает глухо,
 Темнит, – как вор, в темницу сев, темнит,
 Что, мол, за поручительство сидит;
 Просителя, что о своем хлопочет,
 Как королевский фаворит, морочит
 (Иль сам король); к барьеру напролом,
 Как бык, он лезет – лгать перед судом.
 Нет столько в королевской родословной
 Ублюдков, ни в истории церковной –
 Содомских пятен, сколько в нем живет
 Лжи и пронырства; в них его доход.
 Он оттягать себе намерен вскоре
 Весь этот край от моря и до моря;
 Наследников беспечных мотовство –
 Источник адской радости его.

<...>

Когда же он пропажу совершает,
То как бы по нарошке попускает
Наследников, – так спорщик-богослов
В упор не замечает в тексте слов,
Чья суть, коль толковать их нележо,
Его резонам противоположна.
Где рощи, одевавшие удел
Наследственный? – мошеник их надел»
(перевод Г. Кружкова) [16. С. 590–592].

Судьи рисуются под стать адвокатам:

Наш век считать железным не резон,
Именоваться ржавым должен он:
В железном – правосудьем торговали,
Здесь торговать неправосудьем стали
<...>

Уходят наши деньги и владенья
На протори, залого, взятки, пени.
Коли не чтит закон и сам судья,
Лишь букву, а не дух его блюдя,
Где нам искать защиту и управу?
В судах инстанций низших? Там на славу
Обчистят нас, посадят иль казнят.
А тот, кого так сильно притеснят,
Что в высший суд пойти он соберется,
С теченьем будет, как пловец, бороться.
Но выбьется из сил и все равно
Пойдет в изнеможении на дно.
Пытаться возвести над этой бездной
Мост золотой – довольно бесполезно:
Швыряй сколь хочешь золота туда –
Оно в волнах исчезнет без следа

(перевод Ю. Корнеева) [Там же. С. 405].

Томас Овербери, получавший образование в юридическом подворье Миддл-темпла, поэт, писатель и личный секретарь фаворита короля Роберта Карра, графа Сомерсета, писал, что право беречь совесть юриста, но совесть не стесняет его при принятии решений. «Ибо все, что он делает, он делает исключительно ради денег». При этом юрист рисуется им как невежественное и высокомерное существо [17. Р. 84, 85].

Френсис Бэкон, сам юрист, дослужившейся до канцлера Англии и осужденный в этой должности за мздоимство, оставил даже классификацию проиждо от правовой профессии [18]. «Крючкотворы, – писал он, – встречаются в четырех разновидностях. Первые из них – мастера плодить тяжбы, от которых жиреют судьи и беднеет народ. Вторые – это те, кто вовлекает суды в столкновения по поводу границ их юрисдикции, а на деле являются не “amicī curiae”, но “parasitī curiae” (ни друзья судов, а паразиты судов), ибо ради собственной выгоды подстрекают суды к превышению их полномочий. Третьи – это те, кого можно назвать левой рукой правосудия, люди, имеющие в запасе всевозможные ловкие и темные плутни и ухищрения, которые мешают прямому ходу правосудия и ведут его кривыми и запутанными путями. Четвертые – это вымогатели, из-за которых суд часто сравнивают с терновым кустом, где овцы, ищущие убежища от непогоды, непременно оставляют часть своей шерсти» [19. С. 479].

Вероятно, юристов ненавидели и боялись представители различных слоев населения – знатные и худо-

родные, богатые и бедные. В драме Шекспира «Генрих VII» один из соратников вожжа восставших крестьян Джека Кеда сурово восклицает: «Первым делом мы перебьем всех законников» [19. С. 276]. Правоведы современники нередко наряду с ростовщиками приравнивали к исчадиям ада. «В начале дьявол был юристом», – гласила английская пословица того времени. «Если ад не окажется переполненным – юристу не спастись», – вторила ей другая [6. Р. 284].

Плохая репутация профессии отражена даже в могильных надписях. Сохранилась такая двусмысленная эпитафия: «Мы чуда ждем. Господь помочь нам рад: “Лежит, – читаю, – здесь честнейшей человек и адвокат”», – писал безымянный автор [Ibid.]³. Эпитафии, настойчиво гласящие, что в данной могиле лежит честный юрист, должны были, видимо, подчеркивать исключительность и нетипичность такого казуса. На надгробии некоего Джеймса Мотта (James Motte) в приходской церкви местечка Мэтшилл, графства Норфолк высечено: «Правоведом ты стал, не родился со мздой, потому упокоился с легкой душой» [6. Р. 285]. Надпись на могильной плите судьи Суда Королевской скамьи Агастина Николлса свидетельствует, что честность законника воспринималась современниками не как норма, а скорее как ее девиантность. На ней начертано: «Тот, кому взятки не застигли взор, кто не отступал из страха, кого ни дичь, ни миска не отворачивали от правды» [Ibid.].

Известный историк тюдоровской Англии Е.В. Айвез, размышляя над подобными нелюбезными оценками, замечает, что они были следствием отчуждения большинства населения от правовых знаний, а значит, и от его носителей – юристов. Результатом комбинации различных чувств – зависти, непонимания и невежества [20. Р. 133, 150, 155]. Вильфрид Прест и Кристофер Брукс объясняют столь непривлекательный образ юриста общего права тем, что он формировался веками и достался раннему Новому времени от Средних веков, а также лавинообразным увеличением числа судебных тяжб в постреформационной Англии. В отличие от Средних веков, где роль правовых институтов и права была незначительной, а порядок чуть ли не приватно поддерживался феодальными магнатами, которые выступали арбитрами при улаживании конфликтов и где ориентиром были родственные, личные и другие неформальные отношения, в тюдоровской и ренессансартской Англии королевские суды стали главными местами разбирательств. Они оказывались более привлекательными, чем суды местные и манориальные. Причем королевские суды начали разбирать дела копигольдеров и выносить нередко решения в их пользу, хотя по традиции дела держателей должны были слушаться лордами в манориальных куриях. Это тоже умножило число тяжб. В 1640 г. каждый восьмидесятый англичанин прибегал к помощи королевского суда. Но современники склоны были именно юристов винить в росте судебных разбирательств. Они воспринимали сутяжничество как социальный грех. Общественное мнение полагало, что миссия юриста – примирять тяжущиеся стороны. Но вместо этого юристы, утверждали современники, разжигают вражду, затягивают

разбирательства, дабы получить с клиента как можно больше денег [2. P. 8–9; 3. P. 22–24; 6. P. 285–289; 7. P. 132–136].

Англичане рассматривали сутяжничество как социальное зло и винили в резком росте судебных разбирательств юристов. Однако некоторые современники были более проникательными, считая рост числа юристов следствием экономических и социальных изменений, которые переживала Англия в XVI в., особенно вызванное Реформацией перераспределение земель и богатств церкви между допущенными к этому распределению светскими лицами, и общий подъем экономики. Джон Девис, генеральный атторней Ирландии, указывал, что тяжбы порождаются экономическими причинами. «Из-за того, что земные изделия улучшились, выросло богатство и стало в мире больше товарных и личных контрактов, которые порождают расточительность, банкротства, плохих должников, умножают алчность и злонамеренность» [21. P. 266]. Ему вторил главный судья Англии Эд. Кок: «Что мы можем сказать о зловонных поношениях увеличивающихся тяжб <...> то, что есть 6 причин их умножения, из которых две общие, четыре частные. Общие – это мир и изобилие, частные: 1. закрытие монастырей и часовен и распределение их среди множества отдельных рук; 2. полчища доносчиков; 3. обилие сыщиков сокрытого чужого имущества (Concealors); и 4. многочисленность атторнеев». Он потрудился развернуть свои аргументы. По его мнению, со времен Эдуарда III до Эдуарда IV, т.е. от Столетней войны до Войны Роз, «не могло быть много тяжб». Но как только воцарился мир, люди сразу стали судиться, поскольку «мир есть мать изобилия, а изобилие есть кормилица тяжб». Закрытие монастырей и часовен, распределение их земель и имущества «подняло столько вопросов и сомнений, из-за которых сильно выросло число тяжб». Доносчики, информируя суды, «во многих случаях совершенно не обоснованно», вызвали увеличение судебных разбирательств. Тяжбы подстегнули «сыщики», «обжоры» (Concealors, helluones), «стараясь проглотить соборы и церковные владения духовенства и жилища многих других поданных короля». «Многочисленные атторнеи, хотя численно и ограниченные законом, стали великой причиной роста тяжб» [22. P. 75–76]. Обилие клерков и стряпчих Эд. Кок называл «чудовищной язвой» на теле государства, ибо они «берут мзду» и «выгребают деньги из наших кошельков» [Ibid. P. 27–28].

И все-таки Вильфрид Прест полагает, что при определенных оговорках можно доверять литератур-

ным произведениям в том, что художественное восприятие действительности конца XVI – начала XVII в. не искажало саму действительность. Отсутствие любви к юристам со стороны различных кругов английского общества – это не выдумка писателей, а часть их реального образа, сложившегося в головах современников, посещающих суды и сталкивающихся в повседневной жизни с юристами и правовыми практиками [6. P. 287]. Добавим к этому наблюдению еще одно: столь частое появление юристов в произведениях, относящихся к разным литературным жанрам, является, на наш взгляд, косвенным свидетельством того, что именно члены этой профессиональной корпорации обладали влиянием и значимостью, несоизмеримыми ни с каким другим профессиональным сообществом. Законников можно было встретить в различных элитных кругах столицы и провинций. В XVI в. принцип крови был поколеблен, хотя и не отброшен окончательно. Элита формировалась по социальному принципу. Принадлежность к ней обуславливалась рождением в элитной среде и наличием состояния. Юристы были социопрофессиональной частью элиты, ибо многие из них пробились наверх благодаря, в первую очередь, своей профессии, тем качествам и деформациям, которые ценились в административных органах и судах. Занимая высокие должности в различных административных и судебных учреждениях столицы, графств и городов, они обладали возможностью влиять на принятие политических решений. Иначе говоря, юристы входили не только в социальную, но и политическую элиту страны.

Итак, видно, что в сознании англичан конца XVI – первой половины XVII в. сложилось определенное представление о юристе и юридической профессии. В картине мира того времени право, созданное богом, призвано удерживать стабильный порядок вещей, не допускать хаос и восстанавливать гармонию и согласие. Юристы, по мнению англичан, вместо следования своему профессиональному предназначению – способствовать реализации божественного плана, восстанавливать мир и справедливость – сами инициируют тяжбы, разоряют клиентов, вносят раздор и вражду. Юристы, по мнению большинства современников, были причиной роста судебных разбирательств и охватившего Англию сутяжничества. Но в переходную эпоху увеличение судебных дел делало профессию юриста чрезвычайно привлекательной, что предопределило приток в профессию инициативных молодых людей и стало причиной формирования негативного образа юристы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для сравнения воспроизводим оригинал:
A sergeant of the lawe, war and wys,
That often hadde been at the parvys,
Ther was also, ful riche of excellence.
Discreet he was and of greet reverence –
He semed swich, his wordes weren so wise.
Justice he was ful often in assise,
By patente and by pleyn commissioun.
For his science and for his heigh renoun,
Of fees and robes hadde he many oon.
So greet a purchasour was nowher noon:

Al was fee symple to hym in effect;
 His purchasyng myghte nat been infect.
 Nowher so bisy a man as he ther nas,
 And yet he semed bisier than he was.
 In termes hadde he caas and doomes alle
 That from the tyme of kyng william were falle.
 Therto he koude endite, and make a thyng,
 Ther koude no wight pynche at his writyng;
 And every statut koude he pleyn by rote.
 He rood but hoomly in a medlee cote.
 Girt with a ceint of silk, with barres smale;
 Of his array telle I no lenger tale⁴.

(Complete Works of Geoffrey Chaucer / ed. by W.W. Sreat. Oxford, 1894. Vol. IV. P. 10).

² Guildhall – ратуша Лондона, где располагались городские суды.

³ Эту эпиграфию нередко приписывают Бену Джонсону. В переводе С. Маршака она выглядит так: «Есть чудеса и в наш греховный век: здесь спит судья, но честный человек» (Английская классическая эпиграмма / пер. С. Маршака и В.В. Васильева. М., 1987. С. 43).

ЛИТЕРАТУРА

1. Baker J.H. Introduction to English Legal History. 4th ed. Oxford, 2007. 600 p.
2. Brooks C.W. Law, Politics and Society in Early Modern England. Cambridge, 2008. 456 p.
3. Brooks C.W. Lawyers, Litigation and English Society Since 1450. London, 1998. P. 274.
4. Wilson T. State of England, anna Dom. 1600 // Camden Miscellany. 3rd ser. L., 1936. P. 1–47.
5. Prest W. Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590–1640. Longman, 1972. 363 p.
6. Prest W. Rise of the Barristers. A Social History of English Bar, 1590–1640. Oxford, 1986. 434 p.
7. Brooks C.W. Pettyfoggers and Vipers of the Commonwealth. The “Lower Branch” of Legal Profession In Early Modern England. Cambridge, 1986. 396 p.
8. Tucker E.F.G. Intruder Into Eden: Representations of Common Lawyer In English Literature 1350–1710. Columbia, 1984. 347 p.
9. Чосер Д. Кентерберийские рассказы. М., 2012. 951 с.
10. Джонсон Б. Черт выставлен ослом // Младшие современники Шекспира. М., 1986. С. 397–487.
11. Harrison W. Description of England // Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland. London, 1807. V. I. P. 1–421.
12. Уэбстер Дж. Всем тяжбам тяжба, или Когда судится женщина, сам черт ей не брат // Младшие современники Шекспира. М., 1986. С. 259–336.
13. Джонсон Б. Пьесы. М.; Л., 1960. 749 с.
14. Jonson B. Works. With critical and explanatory notes and a memoir by William Gifford / ed. by F. Cunningham. London, 1910. Vol. 3. 530 p.
15. Wentworth Papers 1597–1628 / ed. by J.P. Cooper. London, 1973. 375 p.
16. Джон Д. Песни и песенки. Элегии. Сатиры. СПб., 2000. 671 с.
17. Miscellaneous Work in Prose and Verse of Sir Thomas Overbury, knt. / ed. by E.F. Rimbault. London, 1856. 311 p.
18. Бэкон Ф. Сочинения. М., 1972. Т. 2. 582 с.
19. Шекспир У. Генрих VI. Часть 2 // Полн. собр. соч. М., 1957. Т. I. 614 с.
20. Ives E.W. The Reputation of the Common lawyer In English society, 1450–1550 // University of Birmingham Historical Journal. 1960. № 7. P. 133–155.
21. Davies J. Discourse of the Common Law // Complete Works of Sir John Davies / ed. A.B. Grosart. London, 1876. Vol. III. P. 243–357.
22. Coke E. Institutes. Pt. IV. London, 1817. 413 p.
23. Coke E. Lord Coke His Speech and Charge. With a Discouerie of Abuses and Corruption of Officers // Selected Writings of Sir Edward Coke / ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003. Vol. 3. P. 5–31.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2017 г.

LAWYERS IN THE ELIZABETHAN AND EARLY STUART ENGLAND: STEREOTYPE IMAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 138–143.

DOI: 10.17223/15617793/419/18

Sergey V. Kondratiev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: s.v.kondratev@utmn.ru

Keywords: lawyers; common law; justices; attorneys; solicitors; perception.

The article describes the stereotype image of the lawyer in the pre-revolutionary England that was dominant in the minds of contemporaries. Lawyers in the late Tudor and early Stuart England constituted one of the most influential occupational groups. After the Reformation, the clergy lost the prominent position they used to hold in the court, and the administrative vacuum was filled up by legal practitioners. A rapid economic growth along with the redistribution of the Church land caused an unprecedented increase in lawsuits and claims of ownership which resulted in a swift growth of court inns. The legal profession promised considerable gain and offered promotional prospects in the court and the government; it became one of the most appealing occupations for the rich and gentle laymen. It was probably the only profession that provided the level of prosperity equal to the profits from land ownership. Legal practitioners were among the most enterprising people of the time. However, the attitude towards lawyers was ambivalent. On the one hand, they were appreciated due to their knowledge, wits, expertise and ability to protect the subjects' liberties. On the other hand, they were hated and feared because of their greed, craftiness, venality, willingness to trick clients, deceive others and line their pockets using clients' misfortunes. Most likely, lawyers were neither better nor worth than most of their contemporaries. They prospered because they just had more opportunities due to the situation in the country back then. The ways they obtained their prosperity were dubious from the viewpoint of many. However, we have to bear in mind that the very nature of the legal profession kept its representatives much in the public eye and put under close scrutiny turning them into objects of envy and bias. Some of their contemporaries were more discerning and perceived the increasing number of lawyers as a consequence of the economic and social changes witnessed by the country. The worldview of the time considered the Law as being instituted by God to sustain the order, prevent chaos, and restore harmony and concordance. The English thought that lawyers, instead of performing their professional duty (i.e. contributing to God's plan and restoring peace and justice), initiated suits, made their clients bankrupt, and caused strife and enmity. Most Englishmen believed that the increasing number of lawsuits and ubiquitous litigation were lawyers' fault.

REFERENCES

1. Baker, J.H. (2007) *Introduction to English Legal History*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press.
2. Brooks, C.W. (2008) *Law, Politics and Society in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Brooks, C.W. (1998) *Lawyers, Litigation and English Society Since 1450*. London: Hambledon.
4. Wilson, T. (1936) State of England, anna Dom. 1600. In: Fisher, F.J. (ed.) *Camden Miscellany*. 3rd ser. Vol. 16. London.
5. Prest, W. (1972) *Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590–1640*. Longman.
6. Prest, W. (1986) *Rise of the Barristers. A Social History of English Bar, 1590–1640*. Oxford: Oxford University Press.
7. Brooks, C.W. (1986) *Pettyfoggers and Vipers of the Commonwealth. The “Lower Branch” of Legal Profession In Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Tucker, E.F.G. (1984) *Intruder Into Eden: Representations of the Common Lawyer In English Literature 1350–1710*. Columbia.
9. Chaucer, J. (2012) *Kenterberijskie rasskazy* [The Canterbury Tales]. Translated from English. Moscow: Nauka.
10. Johnson, B. (1986) Chert vystavlen oslom [Devil is exposed by a donkey]. Translated from English. In: Anikst, A.A. (ed.) *Mladshie sovremenniki Shekspira* [The younger contemporaries of Shakespeare]. Moscow: Moscow State University.
11. Harrison, W. (1807) Description of England. In: *Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland*. Vol. 1. London: J. Johnson.
12. Webster, J. (1986) Vsem tyazhbam tyazhba, ili Kogda suditsya zhenshchina, sam chert ey ne brat [A litigation to all litigations, or When a woman is judged, the devil itself is not her brother]. Translated from English. In: Anikst, A.A. (ed.) *Mladshie sovremenniki Shekspira* [The younger contemporaries of Shakespeare]. Moscow: Moscow State University.
13. Johnson, B. (1960) *P'esy* [Plays]. Moscow; Leningrad: Iskustvo.
14. Jonson, B. (1910) *Works. With critical and explanatory notes and a memoir by William Gifford*. Vol. 3. London: Chatto & Windus.
15. Cooper, J.P. (ed.) (1973) *Wentworth Papers 1597–1628*. London: Offices of the Royal Historical Society.
16. John, D. (2000) *Pesni i pesenki. Elegii. Satiry* [Songs and chants. Elegies. Satire]. Translated from English. St. Petersburg: Simpozium.
17. Rimbault, E.F. (ed.) (1856) *Miscellaneous Work in Prose and Verse of Sir Thomas Overbury, knt*. London: Reeves and Turner.
18. Bakon, F. (1972) *Sochineniya* [Works]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
19. Shakespeare, W. (1957) Genrikh VI. Chast' 2 [Henry VI. Part 2]. In: Smirnov, A. & Anikst, A. (eds) *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Iskustvo.
20. Ives, E.W. (1960) The Reputation of the Common lawyer In English society, 1450–1550. *University of Birmingham Historical Journal*. 7. pp. 133–155.
21. Davies, J. (1876) Discourse of the Common Law. In: Grosart, A.B. (ed.) *Complete Works of Sir John Davies*. Vol. III. London: Chatto and Windus, Piccadilly.
22. Coke, E. (1817) *Institutes*. Pt. IV. London: Printed for W. Clarke and Sons.
23. Coke, E. (2003) Lord Coke His Speech and Charge. With a Discouerie of Abuses and Corruption of Officers. In: Sheppard, S. (ed.) *Selected Writings of Sir Edward Coke*. Vol. 3. Indianapolis: Liberty Fund.

Received: 02 April 2017